

0- 785078

На правах рукописи

БЕЗМАТЕРНЫХ ЕЛЕНА ИГОРЕВНА

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ РАЗНОЧТЕНИЯ В ПАМЯТНИКАХ РУССКОГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА
ФОРМИРОВАНИЯ СИНОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В
РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОВРЕМЕННЫХ
СПИСКОВ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» И «ЖИТИЯ СЕРГИЯ
РАДОНЕЖСКОГО»)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск – 2010

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и его истории государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Удмуртский государственный университет».

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Никифорова Светлана Александровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Акимова Эльвира Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
Колосова Елена Ивановна

Ведущая организация: ГОУВПО «Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского»

Защита состоится 26 октября 2010 года в 12.30 часов на заседании диссертационного совета Д212.275.07 в ГОУВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус 2, ауд. 221.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУВПО «Удмуртский государственный университет», с авторефератом – на сайте УдГУ www.lib.udsu.ru

Автореферат разослан «24» сентября 2010 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000680977

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

Н. Г. Медведева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Лексическому явлению синонимии как в синхронии, так и в диахронии посвящено немало научных работ. Но если в работах по современному русскому языку достаточно четко выделены критерии синонимичности лексических единиц, на основании которых и толкуется синонимия как явление языка, то в истории языка дело обстоит иначе. В большинстве исследований по истории языка рассмотрение синонимии как универсального лексического явления сводится к ее выявлению в определенном тексте и описанию значений слов, входящих в синонимический ряд (А.Н. Абдульманова, Н.Г. Михайловская, В.В. Степанова, Т.В. Ткачева, С.М. Толстая, Е.П. Щенникова, Е.Н. Полякова, Н.Е. Бурова, Л.И. Шелепова, А.Ю. Мусорин и др.). Однако тип синонимических отношений в истории языка, в частности в русском литературном языке среднерусского периода, так окончательно и не определен. Этим и обуславливается актуальность темы диссертационного исследования. Проанализированный в работе лексический материал позволяет установить характер семантических отношений между именами и речевыми формулами, взаимозаменяющимися в параллельных контекстах «Повести временных лет» и «Жития Сергия Радонежского» (далее – ПВЛ и ЖСР соответственно), и определить, каким образом лексические различия отражают процесс формирования синонимических отношений в русском языке.

Предмет исследования – взаимозаменяющиеся в параллельных контекстах в разновременных списках ПВЛ и ЖСР отдельные слова и речевые формулы. Предмет исследования ограничен именными лексическими единицами, в частности именами существительными.

Объект исследования – семантические отношения между заменяющимися в параллельных контекстах ПВЛ и ЖСР именами и речевыми формулами.

Цель диссертационного исследования – установить характер семантических отношений между именами, речевыми формулами, взаимозаменяющимися в параллельных контекстах ПВЛ и ЖСР, и определить, каким образом указанные имена и речевые формулы отражают процесс формирования синонимических отношений в русском языке.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Определить критерии для выбора материала: жанровую принадлежность памятников; время составления, распространения и сохранения рукописей; учет общезыковых тенденций в XIV–XVI вв.

2. Выявить в параллельных контекстах между списками ПВЛ и ЖСР лексические различия.

3. Провести комплексный анализ лексических различий, включающий особенности семантики, структуры, контекстного окружения, этимологии, стилистических и культурологических

особенностей, частотности употребления.

4. Сравнить значения взаимозаменяющихся лексических единиц.

5. Установить причины заменяемости имен и формул в параллельных контекстах.

6. Определить типы семантических отношений между выделенными лексическими единицами.

7. Выявить, каким образом указанные имена и речевые формулы отражают процесс формирования синонимических отношений в русском языке.

8. Разработать методику анализа лексических единиц, которая позволяет уточнить значение некоторых слов в древнерусском языке.

9. Соотнести полученные результаты с основными тенденциями развития русского литературного языка.

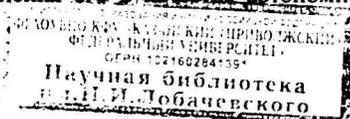
10. Гипотеза исследования основывается на том, что лексические разночтения, выявленные в параллельных контекстах одновременных списков ПВЛ и ЖСР, свидетельствуют, во-первых, о главной общезыковой тенденции времени – вычленении слова из формулы-синтагмы и становлении его в качестве самостоятельной лексической единицы, во-вторых, о формировании лексической синонимии как явления русского литературного языка.

Для решения поставленных задач в работе использовались следующие методы исследования языковых единиц: исторический и сопоставительный методы, описательный и лингвотекстологический методы, а также элементы количественного метода. При комплексном исследовании процессов синонимии в русском литературном языке среднерусского периода наряду с традиционными методами применялись методы компонентного, контекстуального, функционально-семантического и стилистического анализа.

Материалом для исследования послужили «Повесть временных лет», представленная тремя списками, которые вошли в состав Лаврентьевской (1377 г.), Ипатьевской (первая половина XV в.) и Радзивилловской (последнее десятилетие XV в.) летописей (далее – ЛЛ, ИЛ и РЛ соответственно), и «Житие Сергия Радонежского», также представленное тремя списками: житие, написанное Епифанием Премудрым (далее – ЖЕП), а также Первая и Третья редакции (далее – IПР и ЗПР), составленные Пахомием Логофетом и сохранившиеся в рукописях XV–XVI вв.

Выбор ПВЛ и ЖСР в качестве материала для исследования лексических единиц русского литературного языка среднерусского периода неслучаен:

1. Создание и бытование текстов относится к среднерусскому периоду развития русского литературного языка, когда активно происходил процесс разрушения формулы, освобождения слова от формульной обусловленности и становления его в качестве автономной лексической единицы.

2. Выбранные группы текстов имеют разную жанровую принадлежность: житие и летопись. Общеизвестно, что житие, как текст сакральный, принадлежал к наиболее «замкнутым» и жестко регламентируемым церковью жанровым формам литературы. Летопись, наоборот, как текст несакральный, не являлась строго канонизированной и в большей степени была подвержена языковым изменениям. Поэтому появление лексических разночтений в параллельных местах между списками не только ПВЛ, но и ЖСР оказывается важным свидетельством общезыкового характера изменений семантики имени на пути преодоления древнего семантического синкретизма к автономному значению слова.

3. Именно эти тексты сохранились в нескольких списках, сопоставление которых позволяет выявить в параллельных контекстах случаи лексических взаимозамен.

4. Данные тексты являются оригинальными, а не переводными произведениями древнерусской литературы.

5. Мы имеем дело с целенаправленной деятельностью книжника: списки ЖСР, написанного Епифанием Премудрым, составил выдающийся стилист своего времени Пахомий Логофет специально для чтения жития в церкви на праздник памяти святого.

В диссертационной работе использованы лексикографические источники разных типов: Словарь русского языка XI – XVII вв., Материалы для словаря древнерусского языка (И.И. Срезневский), Старославянский словарь (по рукописям X – XI вв.), Этимологический словарь русского языка (М. Фасмер), Историко-этимологический словарь современного русского языка (П.Я. Черных), Константы: Словарь русской культуры (Ю.С. Степанов), Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI – первая половина XIV вв.), Словарь синонимов русского языка (З.Е. Александрова), Краткий словарь синонимов русского языка (В. Н.Клюева), Толковый словарь русского языка (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова), Словарь синонимов (под ред. А.П. Евгеньевой).

Научная новизна исследования. Традиционно в работах по современной и исторической лексикологии синонимические отношения анализируются в синхронии и, как правило, в рамках одного или нескольких разных текстов или речевых ситуаций. В отличие от традиционного подхода, в диссертации тип отношений между именами и речевыми формулами рассматривается в условиях параллельных контекстов разновременных списков ПВЛ и ЖСР, позволяющих определить особенности развития семантики слова в среднерусский период развития русского литературного языка. В работе показан комплексный подход к анализу каждой лексической единицы. Он затрагивает семантический, контекстный, этимологический, культурологический и стилистический уровни.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют:

1. Труды в области исследования лексической или лексико-семантической вариантности (Б.А. Абрамов, О.С. Ахманова, Е.Г. Белявская, Д. Блумфильд, В.В. Виноградов, А.И. Воронов, Т.П. Ломтев, О.И. Москальская, К.С. Горбачевич, В.Д. Девкин, А.И. Домашнев, Л.П. Евгеньева, И.М. Жилин, В.И. Кодухов, В.П. Конецкая, М.М. Маковский, О.И. Москальская, А.М. Пешковский, З.Д. Попова, А.А. Потехина, И.П. Распопов, П.А. Расторгуева, Р.П. Рогожникова, Н.Н. Семенюк, А.И. Смирницкий, Г.В. Степанов, М.Д. Степанова, Д.Н. Ушаков, Ф.П. Филин, И.Б. Хлебникова, В.С. Храковский, А.И. Чередниченко, Н.М. Шанский, Е.И. Шендельс, А.Д. Швейцер и др.).

2. Работы по исследованию вопросов синонимии в современном языкознании (З.Е. Александрова, Ю.Д. Апресян, О.С. Ахманова, С.Г. Бережан, А.А. Брагина, Р.А. Будагов, Л.А. Булаховский, А.Н. Гвоздев, А.Д. Григорьева, А.П. Евгеньева, Л.А. Новиков, А.А. Реформатский, С. Ульман, В.К. Фаворин, М.И. Фомина, В.Д. Черняк, Д.Н. Шмелев и др.).

3. Работы по изучению лексических различий в истории русского литературного языка (С.А. Аверина, Е.М. Верещагин, Л.П. Жуковская, В.В. Колесов, В.В. Лопатин, Н.Г. Михайловская, А.Ю. Мусорин, Л.Г. Панин, Л.Я. Петрова, Н.А. Пикалева, А.А. Пичхадзе, Л.И. Шелепова, О.Б. Юсова и др.).

4. **Теоретическая значимость исследования.** Диссертационное исследование демонстрирует новый подход в изучении синонимических отношений в истории русского литературного языка. Материал разновременных списков ПВЛ и ЖСР как двух разножанровых текстов позволил не только определить характер лексических отношений в параллельных контекстах, но и сделать общие выводы об основных тенденциях формирования синонимических отношений в русском литературном языке среднерусского периода. В диссертационной работе представлена методология работы с разновременными списками разножанровых текстов средневековой письменности на примере списков ПВЛ и ЖСР; определены основные критерии синонимичности и вариативности в среднерусском тексте; выявлены пути формирования лексической синонимии в русском литературном языке среднерусского периода.

Практическая значимость исследования. Выводы и наблюдения автора, полученные в диссертации, ее основные положения и конкретный материал могут быть использованы в дальнейшей разработке проблем, связанных с исследованием лексико-семантических особенностей среднерусских текстов, а также в преподавании курсов историко-филологического цикла, при чтении спецкурсов по исторической и современной лексикологии.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Последовательное сопоставление разновременных списков ПВЛ и ЖСР, сохранившихся в рукописях XV – XVI вв., обнаружило в пределах

параллельных контекстов частые случаи лексических замен, которые в семантическом плане не изменяют текст полностью, но насыщают его образно, подчеркивают уже выраженную мысль, уточняют или детализируют то или иное понятие. При этом замене подвергаются отдельные слова (имена существительные), формулы, а также формулы и соответствующие им слова.

2. Исследование выявленных лексических единиц с точки зрения особенностей семантики, структуры, контекстного окружения, этимологии и функционирования в тексте показало, что отношения между ними формируются на разных основаниях. С одной стороны, отдельные слова и формулы сохраняют метонимические отношения, с другой – между рассмотренными лексическими единицами в большинстве случаев формируются синонимические отношения.

3. На синонимичность слов и формул указывают следующие признаки: тождество компонентов семантической структуры; общность понятия; нейтрализация различительных компонентов семантики; взаимозаменяемость в параллельных контекстах, т.е. в одинаковых условиях. Следовательно, анализ подобных лексических различий важен, на наш взгляд, прежде всего потому, что подтверждает современную теорию нейтрализации семантических оттенков при определении синонимичности двух слов.

4. Некоторые слова и формулы способны нейтрализовать семантические отличия в разных контекстных позициях, что создает устойчивый характер нейтрализации. Это свидетельствует об общеязыковом статусе подобных синонимических отношений.

5. Наличие между списками ПВЛ и ЖСР контекстно обусловленных синонимичных слов и формул свидетельствует о переходном и развивающемся характере языковых процессов в области синонимии, о формировании и становлении общеязыковых синонимов.

6. Установление между словами, формулами синонимических и метонимических отношений знаменует собой постепенный процесс освобождения имени из формулы и семантического разведения «созначений» (В.В. Колесов) прежде синкретических по смыслу имен с последующим закреплением этих «созначений» за словами. Таим образом, анализ лексических различий свидетельствует, во-первых, о главной общеязыковой тенденции времени – о вычленении слова из формулы и становлении его в качестве самостоятельной лексической единицы, а во-вторых, о формировании лексической синонимии как явления русского литературного языка.

Достоверность результатов исследования обеспечена обоснованностью исходных методологических положений, использованием комплекса теоретических и эмпирических методов исследования в соответствии с целью и задачами; комплексным анализом полученных результатов, возможностью их использования в образовательном процессе высшей школы.

Апробация работы. Основные теоретические положения, практические разработки и результаты исследования изложены в докладах и сообщениях на заседаниях кафедры современного русского языка и его истории Удмуртского государственного университета, на Международной конференции «Русская словесность в контексте мировой культуры» (Нижний Новгород, 2007), на II Международной научно-практической конференции «Русский язык и русская речь в XXI веке: проблемы и перспективы» (Ижевск, 2007), на Международной научной конференции «Языковая семантика и образ мира» (Казань, 2008), на III Международной научно-практической конференции «Русский язык и русская речь в XXI веке: проблемы и перспективы» (Ижевск, 2008), на Научной конференции «Социальные варианты языка – VI» (Нижний Новгород, 2009), на Межвузовской научной конференции «Кормановские чтения» (лингвистические секции) (Ижевск, 2009, Ижевск, 2010), на IV Международных Бодуэновских чтениях (Казань, 2009), на Международной научной конференции «Язык. Культура. Коммуникация» (Ижевск, 2009), в работе Международной научной школы для молодежи «Письменное наследие и современные информационные технологии» (Ижевск, 2009), на Всероссийской научно-практической конференции «Наша новая школа» (Москва, 2010).

Основное содержание диссертации отражено в 12 публикациях, в том числе 1 статья – в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, серия «Филология», рекомендованном ВАК, 1 статья – в Вестнике Волгоградского государственного университета, серия «Филология», рекомендованном ВАК, и 1 статья – в сборнике «Наша новая школа: материалы Всероссийской научно-практической конференции».

Структура диссертации соответствует логике исследования и состоит из введения, трех глав, заключения, списка словарей, списка источников и списка использованной литературы, включающего 377 наименований. Общий объем диссертационного исследования составляет 229 страниц печатного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснован выбор материала исследования, актуальность избранной темы *«Лексические разночтения в памятниках русского средневековья как отражение процесса формирования синонимических отношений в русском языке (на материале разновременных стисков «Повести временных лет» и «Жития Сергия Радонежского)»*, обозначена научная новизна, определены объект и предмет исследования, сформулированы цели и задачи, методы исследования, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Лексическая синонимия и лексическая

вариантность в памятниках русского Средневековья» дается описание средневекового представления о слове и тексте, развивается мысль о промежуточном характере развития слова от древнего имени-синкреты к лексеме как автономной лексической единице. Дан обзор теоретических работ в области синонимии современного русского литературного языка, а также лексической вариантности, определены понятия *лексический синоним* и *лексический вариант*, выделены критерии синонимичности и вариативности лексических единиц. Проведен анализ исследований по истории русского языка, затрагивающих проблему терминологического определения лексических различий в древнерусском языке.

В первом параграфе «Слово и текст в древнерусской традиции» характеризуются специфические особенности древнерусского и среднерусского понимания слова и текста.

В научной традиции Средневековья слово – синкретически воспринимаемое единство звучания и написания, формы и значения, термина и стиля. Слово в древнерусском тексте включает в себя все возможные значения, поскольку в данной системе слово по существу синкретично. В нем нет конкретных значений, равных значениям слова в современном языке; «значения» семантического спектра актуализируются каждый раз в отдельном контексте и в определенной формуле.

Такое представление о слове как о синкрете отражала «старая» концепция текста, при которой текст понимался как откровение, текст был свят, ему учили специально, и древнерусские книжники специализировались на переписывании одного и того же текста – верный признак того, что они знали его наизусть.

По сравнению с ней «новая» концепция, возникшая во второй половине XVII века под воздействием западноевропейской рационалистической традиции, признает относительную ценность отдельного текста, его истинность проверяется постоянно в столкновении со способностями и подготовкой читателя, с постоянно растущим уровнем общественного сознания и т. п.

Однако между преимущественным распространением старой и новой концепций существовала не очень длительная «промежуточная концепция»¹. Зародившись в начале XV века, она характеризовалась тем, что важным оказалось не только повторяющееся восприятие текста как ритуальное оправдание его святости, но и повторение (текстовое варьирование) ключевых слов, свойственных данной культуре. Именно на промежуточном этапе происходит освобождение слова от формульной обусловленности, а значит, становление слова в качестве отдельной лексической единицы. С этого времени начинается усиленная работа по редактированию старых текстов, в результате возникают словарные

¹ Колесов, В. В. Словообразование как динамический принцип реорганизации текста / В. В. Колесов // Словообразование. Стилистика. Текст. Номинативные средства в текстах разных функциональных стилей : сб. ст / КГУ. – Казань, 1990. – С. 71.

варианты, порождаются синонимические ряды, которых до того фактически не было.

Подобные языковые процессы нашли свое естественное отражение в среднерусских памятниках письменности. Особенно ярко они проявились в текстах, дошедших до нас в нескольких списках.

В науке о языке с давнего времени и по сей день предметом дискуссий остается вопрос о терминологическом и понятийном статусе лексических различий, встречающихся в средневековых памятниках письменности. В современной лингвистической литературе исследователи древнерусских текстов пользуются такими понятиями, как лексико-семантический вариант, лексический вариант и лексический синоним.

Во втором параграфе «Вопрос о лексических различиях в древнерусских памятниках письменности» сделана попытка понятийно и терминологически определить статус взаимозаменяющихся по разным спискам лексических единиц.

Л.П. Жуковская использует термин «*лексические варианты*» в значении «два или более слов, тождественных или близких по значению и потому взаимно заменявшихся в разных славянских списках одного и того же памятника в параллельных местах текста»². При этом, с точки зрения современной теории семантических отношений, лексическими вариантами названы разнородные явления (лексические и словообразовательные синонимы, грамматические и фонетические варианты). Такое широкое понимание лексического варианта связано прежде всего с тем, что исследовательница берет в качестве объекта изучения переводные произведения XI–XIV вв. (в данном случае переводные рукописи с греческого языка). Аналогичное понимание термина находим в работах В.В. Лопатина, Л.Я. Петровой, А.А. Пичхадзе, С.А. Авериной, Н.Г. Михайловской. В современных работах по истории языка (Н.А. Пикалева, А.Ю. Мусорин, Л.И. Шелепова, О.Б. Юсова) также происходит смешение понятий «лексические различия», «лексические варианты», лексические синонимы».

Лексические различия, по мнению многих исследователей древнерусских памятников письменности (Л.Г. Панин, А.Ю. Мусорин, Л.И. Шелепова), «касаются фонетического, лексико-морфологического, словообразовательного, семантического варьирования и синонимических связей слов. Языковые различия, как правило, не приводили к возникновению расхождений на уровне текста»³. На наш взгляд, термин «лексические различия» оказывается достаточно обширным, включающим в себя несколько уровней изменения слова, а потому в большой степени неясным при определении статуса лексических единиц,

² Жуковская, Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников / Л. П. Жуковская. – М.: Наука, 1976. – С. 89.

³ Панин, Л. Г. Лингвотекстологическое исследование минейного Торжественника. Рукописи XIV–XVI вв. / Л. Г. Панин. – Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1988. – С. 9.

взаимозаменяющихся в параллельных контекстах среднерусского памятника письменности.

Таким образом, отсутствие объективных критериев, позволяющих определить изменение смысла контекста (или напротив, его неизменность), не дают оснований для разграничения лексической вариантности и синонимии. На наш взгляд, лексическое варьирование представляет собой результат изменения прежде всего внешней стороны слова при сохранении его значения, в то время как синонимия предполагает наличие двух или более разных слов, имеющих общие семантические компоненты в значении и нейтрализующих смысловые различия в определенных контекстах.

Анализ исследовательских работ показал, что о лексико-семантической вариантности по разным спискам одного памятника правомерно говорить лишь в отношении переводной письменности. Многозначное греческое слово, которое необходимо было расшифровать для славянского читателя, влечет за собой появление в древнерусских текстах слов-синкрет, а в последующих списках – соответствующих по семантике слов, которые могли более точно перевести оригинал.

Иную картину представляют собой оригинальные произведения древнерусской литературы. Если раньше главным для книжника было стремление дать более точный, адекватный славянскому мышлению перевод греческого слова, то для переписчика оригинального произведения приоритетным становится истолкование символа-синкреты, его конкретизация, упрощение формулы, что само по себе создает условия для появления лексических взаимозамен и отражает процесс основных языковых изменений, а именно разрушение формулы и становление слова в качестве самостоятельной лексической единицы. Поэтому говорить о лексических вариантах, на наш взгляд, неправомерно. Об этом будут свидетельствовать, во-первых, наличие различительных компонентов в семантике взаимозаменяющихся имен и формул и, во-вторых, что немаловажно, отсутствие существенных семантических изменений в контекстах. Таким образом, мы определим лексические взаимозамены, скорее, как лексические синонимы, нежели варианты.

В третьем параграфе «Лексическая вариантность и лексическая синонимия: критерии разграничения» дан обзор теоретических работ в области исследования лексической синонимии и лексической вариантности. В результате выделены основные *критерии вариативности* лексических единиц в современном русском языке: 1. Тожество морфолого-словообразовательной структуры. 2. Тожество лексического и грамматического значения. 3. Различие либо с фонетической стороны (произношением звуков, составом фонем, местом ударения или комбинацией этих признаков), либо формообразовательными аффиксами (суффиксами, флексиями).

Критериями синонимичности лексических единиц являются:

1. Общность понятия.
2. Тожественность отдельных элементов

смысловой структуры слов. 3. Взаимозаменяемость. 4. Нейтрализация семантических различий. 5. Одинаковое число активных семантических валентностей. 6. Принадлежность к одной и той же части речи.

При этом из всех выделяемых в современном русском языке критериев синонимичности лексических единиц критерий «одинаковое число активных семантических валентностей» следует исключить. В древнерусском тексте имя, некогда синкретичное по своей семантике и вставленное в оправу окрестных слов, проявляет специфические сочетаемостные возможности. Семантика слова-синкреты формируется за счет окрестных слов, от него не зависящих, в современном русском языке наоборот – в предложении важной оказывается синтаксическая зависимость слов: значением той или иной леммы определяется его лексическое окружение.

Отметим также, что в древнерусском языке, в частности, когда речь идет о нескольких списках одного памятника, при анализе разночтений следует учитывать невозможность смены денотата.

В диссертационной работе были применены выделенные в синхронии критерии синонимичности и вариативности лексических единиц и, таким образом, определен характер семантических отношений между взаимозаменяющимися именами и формулами.

Во второй главе «Лексические разночтения в разновременных списках «Повести временных лет» проводится последовательное выделение лексических разночтений и их анализ с точки зрения особенностей семантики, структуры, контекстного окружения, этимологии, стилистических особенностей, частотности употребления. Выявленные лексические разночтения между параллельными контекстами трех списков ПВЛ представлены в виде следующей классификации типов: 1) лексические разночтения слов; 2) лексические разночтения формул; 3) лексические разночтения формул и соответствующих им слов. Сделана попытка определить тип отношений между выделенными лексическими взаимозаменами и выявить, каким образом взаимозаменяющиеся имена и речевые формулы отражают процесс формирования синонимических отношений в русском языке.

В первом параграфе «Лексические разночтения слов в разновременных списках «Повести временных лет» проводится последовательное выделение имен, взаимозаменяющихся в параллельных контекстах в списках ПВЛ, и их последующий анализ с точки зрения особенностей семантики, этимологии и функционирования в тексте.

В диссертационном исследовании под *именем* мы понимаем слово (имя существительное), в большей степени освободившееся от зависимости формулы и вследствие этого выступающее с определенным, собственным, лексическим значением. Однако нужно иметь в виду, что это лексическое значение, с одной стороны, осмысливается как закрепленное за словом, с другой – представляет собой пучок сознаний, наличие

которого является доказательством существования древнего имени-синкреты.

Это такие слова, как *мразь* – *слана*, *злобы* – *грѣхи*, *зима* – *морозъ*, *истобъка* – *погребъ*, *истобъка* – *истьба* (*изба*), *мовница* – *истопка* – *истьба*, *черньць* – *изумен*, *вружьЕ* – *съсудъ*, *потрѣба* – *трѣба*, *пѣсокъ* – *болониЕ*, *по мѣстомъ* – *по земль*, *двор* – *сѣньникъ*, *бѣль* – *скаръ*, *бѣсь* – *дѣАволь*, *возь* – *сани*, *нечистота* – *скарѣдие*, *вѣкъ* – *языкъ*, *страны* – *языки*, *самовластецъ* – *Единовластецъ* – *самодержеецъ*, *милость* – *мудрость*, *полкъ* – *вои*, *князь* – *полкъ* и др.

Представим некоторые из перечисленных пар.

ЛЛ: «Рече имя Ань поистинѣ прельстиль вас Есть бѣсь коЕму Бу вѣруЕта вна же рекоста антиху (л. 59 об.). *ИЛ*: «Рече же има Ань по истинѣ прельстиль Есть васъ дѣАволь которому Бу вѣруЕта вна же рекоста антихрѣсту (л. 65 об.). *РЛ*: «Реч(е) има Янь: «Поистинѣ прелстиль вас бѣсь, коему вѣруета». Она же рекоста: «Антихр(и)сту». (с.74, л. 103 об.).

Слова *бѣсь* – *дѣАволь* имеют общее лексическое значение: они являются номинацией злой, черной силы (*бѣсь* – бес; *дѣАволь* – сатана, дьявол [СЛРЯ XI – XVII вв.]). Однако *дѣАволь* осмысляется средневековым человеком в большей степени как обозначение страшной силы, напрямую противостоящей силе Божественной. *ДѣАволь* есть враг Божий и искушитель, губитель душ человеческих, в отличие от которого *бѣсь* является «младшим по чину», подчиненным Дьяволу (или Сатане).

Этимологически слово *бѣсь*, восходящее к **bĕd-ŝu*, связано значением со словом *бѣда*, ср. литовское слово *baisas* ‘ужас’, и бес, и черт первоначально просто ‘дух, демон’, но обязательно злой. Отношение к бесу «спокойное, по-славянски ироничное, но заботливое и даже ласковое...»⁴.

В отличие от беса, дьявол – уже совершенно церковный персонаж. Это – враг. «...Дьявол во всех своих обличьях – это сила, всегда враждебная человеку..., причиняющая ему зло... Это – дух искушения и соблазна, который путем обмана и хитрости стремится принудить человека нарушать нравственные нормы, испытывая силу его духа»⁵.

Однако обращение к более широкому контексту указывает на то, что слово *дѣАволь* употреблено в *ИЛ* неслучайно. В повести описывается спор между русским князем и половцами о том, кто сотворил человека: Бог или Дьявол. По мнению половцев, человека создал Дьявол, а Бог вложил в него душу: «*И распрѣся сотоне с б(о)г(о)мъ, кому в немъ сотворити ч(е)л(овѣ)ка. И сотвори дѣавол ч(е)л(о)в(б)ка, а б(о)гъ д(у)шю во нь вложи. Реч(е) имя Янь:*

⁴ Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. / В. В. Колесов. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2001. – Кн. 2. Добро и зло. – с. 97-98.

⁵ Колесов, В. В. Древняя Русь... – С. 102.

«Поистинь прелстилъ вас бѣс, кому вѣруета» Она же рекоста: «Антихристу» [РЛ, с. 74, л. 103 об.]. Следовательно, бѣсѣ в сознании православного русского князя, летописца, а также средневекового читателя-христианина оказывается приравнен Сатане как силе вражьей, противостоящей Богу и имеющей черную природу. В таком случае становится понятной взаимозамена слов бѣсѣ – дѣАволь: при общем семантическом компоненте слова в параллельных контекстных условиях нейтрализуют семантические различия: с точки зрения православной церкви, бѣс, прежде принадлежавший к языческому пантеону, начинает осмысляться именно как злой дух, враг, способный так же, как и Дѣвол, искусить человека. Интересно, что семантический компонент ‘дьявол, сатана’ сохраняется за словами бѣс и дѣАвол при употреблении их в других контекстах. «Мы же оставльше живодавца къ дьяволу бѣжимъ и того волю творимъ» (Сл. и поуч. против языч., 35, XVI в.) [СлРЯ XI – XVII вв.]. «ВдѣАволя оученья» (Паис.сб.) [МСДРЯ]. «Сынъ діаволь» (Псковская I летопись 6914 г.) [МСДРЯ]. «Да не приступять бѣси» (Кир. Тур.) [МСДРЯ]. «Сърша бѣса полоудньнаго» (Никон. Панд. сл. 30) [СлРЯ XI – XVII вв.] и др. Таким образом, слова бѣсѣ и дѣАволь оказываются синонимами, приобретающими статус общеязыковых.

В другом примере синонимия слов носит контекстуальный характер:

ИЛ: «...иде Звенигороду не дошедшу Ему града и прободень бы в проклятаго Нерадьця в дѣАволя наоученьА и в злыхъ члвкъ Лежашю и ту на возѣ саблю с коня прободе» (л. 68). ИЛ: «...де Звенигороду не дошедшу ему города прободень бы в проклятаго НерАдьяца в в злыхъ члвкъ кнзю же Арополку лежашю на санках а внь с коня саблюю прободе А» (л. 76 об.). РЛ: «...и идее ко Звенигороду. Не дошедшу ему город(а), прободень быс(ть) от проклятаго Нерядца, от дьявола научень и от злых ч(е)л(овѣ)къ. Лежашю ему в возе, саблюю с коня прободе и...» (с. 84, л. 119).

Слова сани и возѣ имеют общий семантический компонент ‘повозка’: возѣ – повозка, телега [МСДРЯ], сани – зимняя повозка на полозьях [МСДРЯ]. Однако в Древней Руси был обычай везти покойника на кладбище именно на санях [МСДРЯ] даже летом, отчего возникло устойчивое выражение (формула) сидѣти на саньхъ – ‘стоять одной ногой в могиле’. Более того, из ПВЛ мы как раз узнаем о смерти князя Ярополка (прободень быс(ть)). Уже мертвый, он лежал на возу/саньхъ. Несомненно, семантический компонент лексического значения слова сани, связанный с древним обычаем, послужил причиной появления в ИЛ именно этого слова. Однако в тексте ИЛ реализации формулы сидѣти на саньхъ в чистом виде нет. Летописец дает описание не смерти князя как таковой (об умерщвлении Ярополка упоминается двумя-тремя словами и без объяснения его причин), а сообщает о том, что тело его мертвое лежало на возу/саньхъ. Таким

образом, именно контекст создает условия для появления в ЛЛ слова *возь* и закрепления его в РЛ. Как видим, рассмотренные слова, во-первых, взаимозаменяются в пределах одного и того же текстового отрезка. Во-вторых, при общности обозначаемого понятия и компонента семантической структуры слова имеют и дополнительные семантические элементы, послужившие причиной замены одного из этих слов на другое (это дополнительный семантический компонент 'зимняя' и 'на полозьях' в значении слова *сани*, а также 'для кладки или с кладью', 'количество чего-либо на возу' у слова *возь*). В-третьих, в условиях идентичного контекста эти дополнительные семантические компоненты слов оказываются несущественными. Итак, благодаря контексту происходит нейтрализация семантических оттенков. Этот факт важен потому, что он намечает основные пути к установлению синонимических связей между рассматриваемыми словами. Подобные синонимические отношения, еще контекстно обусловленные, могут ярко иллюстрировать, как происходит развитие одного из значений некогда синкретичного имени и его закрепление за словом. Взаимозамена существительного *возь* словом *сани* актуализировала семантический компонент 'повозка, телега', который в современном русском языке станет у существительного *воз* основным, в отличие от компонента 'количество чего-либо на возу' или 'военный обоз' [СлРЯ XI – XVII вв.]. Таким образом, синонимия, обусловленная в данном примере контекстом, стала средством семантического разведения значений некогда синкретического по смыслу имени и его результатом на пути становления слова как лексемы.

В следующем примере замена слов *мразь* – *слана* происходит уже на ином основании:

ЛЛ: «да того ради затворяЕтся нбо вволи зль вверзаЕтся градъ вожжа мьсто пускаА вво ли мразомъ плоды оузнабляА...» (л. 57). ИЛ: « да того ради затворяЕтся нбо вво зли ввързаЕтся градъ в дождА мьсто пушаА вво ли сланою плоды оузнабляА...» (л. 63). РЛ: «Да того рад(и) затворяетьс(я) н(е)бо, ово ли зль отверзаеть, град въ дождя мьсто пушая, ово ли сланою плоды узнобляя...» (с. 72, л. 99 об.).

Речь идет о поражении русских князей Изяслава, Святослава и Всеволода в сражении с половцами. При этом причина поражения связывается летописцем прежде всего с божественной карой: Господь отвернулся от русичей именно в тот момент, когда они просили его о помощи, однако сами вели себя недостойно, в душе лицемера и обращаясь к Богу только лишь словом, но не сердцем. Не трудно заметить, что слова *мразь* – *слана* подвергаются замене на основе метонимической смежности: *мразь* – сильный холод, стужа, мороз [СлРЯ XI – XVII вв.]; *слана* – иней [МСДРЯ]. Таким образом, *слана* может восприниматься прежде всего как результат или следствие мороза, стужи, хотя при этом оба слова обладают общим семантическим компонентом 'сильный холод'. На близость

лексического значения указывают и данные этимологического словаря: слана – праслав. *solna родств. лит. Šalna, вин. Šal'na 'мороз'; лтш. Salna – мороз [Фасмер – 3]; мороз – ср. н.-луж. Mroz «иней» [Фасмер – 2]. Входящие в один синтагматический ряд однородных членов эти слова (*слана – мразь*) символизируют последствия Божьего гнева: и град, и дождь, и зной, и слана/мразь направлены на уничтожение жизни, на умерщвление, на отрицание всего живого.

Во втором параграфе «Лексические различия формул в разновременных списках «Повести временных лет» проводится выделение взаимозаменяющихся формул с последующим анализом.

Под *формулой* вслед за В.В. Колесовым мы понимаем любое семантически связанное сочетание слов («в древнем тексте экспликация смысла синкреты в значение слова определялась формулой ближнего контекста»⁶).

При сопоставлении списков ПВЛ актуальны следующие взаимозаменяющиеся формулы: *держать вбильЕ/гобину* и *будеть гобино/ибильЕ*, *супротивни дьАволя – супротивни врагь*, *ити в полонь – ити в поганыА*, *плотьские сласти и страсти – плотские сласти – плотские страсти*, *скорбьми и напастьми – скорбь-печальми – скорбьми и печальми*, *блгвѣрнии чернѣци – блговѣрнѣи члвци – блговѣрнии чловѣци*, *бѣсовьскаА игрища – бесовьскаа пѣсни*, *нѣсть числа – нѣсть конца*, *поконь Русский – законь Русский*, *Словѣньский языкъ – СловѣньскоЕ письмо*, *по моеи смерти – по моЕмъ животь* и др.

ЛЛ: «...и послушаста цяя посласта сестру свою сановники нѣкиА и прозвутеры вна же не хотяше ити Ако в полонь ре(ч) иду...» (л. 38). ИЛ: «...и послушаста ц(с)ря и посласта сестру свою и сановники нѣкыА и прозвутеры вна же не хотяше ити Ако в поганыА...» (л. 42). РЛ: «И послушаста ц(а)ря, и посласта сестру свою, и сановники нѣкыа, и презвитери. Она же не хотяше ити: «Яко въ поганыа, – рече, – иду...» (с.51, л. 61 об. – 62).

Формулы *ити в полонь – ити в поганыА* имеют общий семантический компонент 'оказаться в плену'. Однако вторая формула (*ити в поганыА*) приобретает это значение именно в контексте. Если имя *полонь* в составе формулы *ити в полонь* имплицитно содержит семантический компонент 'плен, рабство' [МСДРЯ], то слово *поганыи* эксплицитно прежде всего такие семантические компоненты, как 'язычник'; 'неправо верующий, еретический, еретик'; 'неправославный, нехристианский, поганый (прозвание недругов Руси)' [МСДРЯ]. Однако, благодаря контексту, формула *ити в поганыа* приобретает символическое (образное) значение 'попасть в мир языческий, нехристианский', иначе говоря, 'оказаться в варварском плену'. Показательно, что эти слова произносит сестра византийского императора, придерживающаяся

⁶ Колесов, В. В. Слово и дело. Из истории русских слов [Текст] / В. В. Колесов. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. – С. 50

православной веры, о князе-язычнике Владимире, требующем у греческого царя отдать ее себе в жены.

Замена формул произошла, на наш взгляд, по причине семантического уточнения. Формула *ити въ поганыА* наиболее точно передает идею текста: противопоставление греческого православия и русского варварства (язычества) и соответственно противопоставление христианской свободы и языческого рабства (плена) с целью прославления православной веры.

Итак, формулы *ити в полонъ* – *ити в поганыА*, имея общее значение, в параллельных местах текста нейтрализуют семантические различия. Благодаря общности номинации, близости значения и нейтрализации семантических оттенков формулы также оказываются синонимичными друг другу. Синонимичность формул в данном примере контекстно обусловлена. Формулы отнюдь не являются вариантами: они не обладают тождеством структуры и тождеством семантики.

Еще пример иллюстрирует вариацию распространенной в древнерусских текстах формулы *скорбми и печалми* с общим семантическим компонентом 'горе'.

ИЛ: «...хъАномъ бо многыми скорбьми и напастьми внити в цртво нбноЕ...» (л. 76.2). ИЛ: «...хрестьАномъ бо многими скорбь-печальми внити въ цртво нбноЕ...» (л. 85.2). РЛ: «...хр(и)стьяномъ бо многими скорбьми и печалми внити въ ц(а)рство н(е)б(е)сное...» (с. 92, л. 134).

В ИЛ формула употреблена в своем первоначальном непретворенном виде без соединительного союза «и» между двумя компонентами парного сочетания (*скорбь-печальми*), выражающая древний синкретизм мироощущения, когда пары выполняли прагматическую цель – образовать понятие собирательного смысла. Однако в любой такой формуле каждое слово имело конкретное значение. Так, слова *скърбь* и *печаль* в формуле *скорбми и печалми* (*скорбь-печальми*) сочетаются на основе общего семантического компонента в их значении 'горе', но внутри формулы они противопоставлены друг другу двумя взаимнообратимыми признаками: 'физическое страдание' и 'духовное страдание'. Более того, первое слово обозначает личное переживание, второе – реакцию на него со стороны окружающих или реальное давление извне. По мнению Н.Г. Михайловской, «значение 'горе', будучи основным для слова *печаль*, было вторичным для существительного *скърбь*, которое служило прежде всего для обозначения физического страдания»⁷. Поэтому и возникает возможность замены в тексте ИЛ имени *скърбь* на слово *напасть* в общем значении 'беда, горе, тяжелые испытания (прежде всего духовные)' [СлРЯ XI – XVII вв.].

Заметим, что лексическое значение слова *напасть* содержит дополнительные семантические элементы 'борьба', 'искушение',

⁷ Михайловская, Н. Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI – XIV вв. (Нормативный аспект) / Н. Г. Михайловская. – М.: Наука, 1980. – С. 79.

‘превратности жизни’, ‘тяжелые обстоятельства’ [СлРЯ XI–XVII вв.], а имени *печаль* – ‘неприятнь’, ‘забота’, ‘угнетенное состояние’ [СлРЯ XI–XVII вв.]. Однако их взаимозамена на уровне формулы в сочетании со словом *скорбь* нейтрализует подобные семантические различия и позволяет закрепиться за каждым из слов одного общего для них значения ‘беда, горе, несчастье’. Нейтрализация различительных семантических компонентов, тождественность отдельных семантических компонентов значения существительных, а также их взаимозаменяемость позволяет говорить об установлении между словами и формулами не зависящих от контекста синонимических отношений. Употребление формул *скорбми и печалми (скорбь-печальми)* на *скорбьми и напастьми* в значении ‘горе, беда’ в других памятниках письменности также указывает на то, что синонимия приобретает общезыковой характер. Сравните: «да пребывает митрополитъ правымъ сердцемъ, безъ всякие скорби и безъ печали» (Ярл. Узб. 1315) [МСДРЯ]. «Скорьби и печали и напасты» (Io. Скз. Бог. 318) [МСДРЯ]. «Или гладь, или рать, или бользни, или морь, напасты и скорби» (Псков. I л. 685б) [СлРЯ XI–XVII вв.].

В третьем параграфе «Лексические разночтения формул и соответствующих им слов в разновременных списках «Повести временных лет» отражена заменяемость формулы на соответствующее ей по семантике однозначное слово: *квась оусниАныи – мытель, прутьЕ младоЕ – вьники – вьтвие, люди градьские – горожане, бьсы – бьсовьскыА силы* и нек. др. Подобный процесс прежде всего свидетельствует о новом, промежуточном этапе развития слова от древнего имени-синкреты до лексемы как самостоятельной лексической единицы. Сравните:

ИЛ: «Стополкъ и Володимеръ посласта к Олгови глща сиче поиди КыЕву ать рядъ учинимъ в Руской земль пред еппы игумены и предъ мужи вщъ нашихъ и передъ горожаны да бы вборонили землю Русьскую в поганыхъ» (л. 84 об.). *РЛ:* «С(вя)тополкъ и Володимеръ посласта ко Олгови, гл(аголю)ща сиче: «Поиди Киеву, да уряд положимъ от земли Руской пред еп(и)с(ко)пы и игумены, и пред муж(и) о(те)ць наших, и пред люд(ь)ми градскими, да бых(о)мъ оборонили Русскую землю от поганыхъ». (с. 91, л. 132 об.).

В пределах идентичного контекста происходит взаимозамена формулы *люди градьские* на отдельное слово *горожане*. И формула, и слово имеют общее значение ‘житель города, горожанин’ [МСДРЯ]. Появление в РЛ вновь формулы свидетельствует о том, что каноничность средневекового текста еще не преодолена, а потому те языковые изменения, которые претерпевает среднерусский текст и слово в развитии от синкретизма к автономности лексического значения, еще не завершены.

В третьей главе «Лексические разночтения в разновременных списках «Жития Сергия Радонежского» проводится последовательное выделение взаимозаменяющихся в параллельных контекстах трех списков ЖСР отдельных слов (имен существительных), формул, а также формул и

соответствующих им слов. Выделенные лексические единицы, как и при работе со списками ПВЛ, анализируются с точки зрения особенностей их семантики, структуры, контекстного окружения, этимологии, стилистических особенностей, частотности употребления. Определен тип отношений между выделенными лексическими взаимозаменами в житийном тексте и выявлено, каким образом происходит формирование синонимических отношений в русском литературном языке среднерусского периода. Таким образом, вторая и третья главы построены аналогичным образом, так как лексические различия выделяются и анализируются по разным жанровым памятникам, отражающим неодинаковую степень следования канону. Единство методики анализа лексических единиц и полученных результатов в обеих главах призваны доказать общезыковой характер изменений, происходящих со словом в среднерусский период развития русского литературного языка, а также самого процесса формирования синонимических отношений.

В первом параграфе «Лексические различия слов в разновременных списках «Жития Сергия Радонежского» рассмотрены такие взаимозамены, как *церьби* – *священникъ*, *трапеза* – *пища*, *плоть* – *тѣло*, *юноша* – *отрокъ*, *диаволь* – *бесъ* – *врагъ*, *отець* – *старецъ* – *святыи*, *монастырь* – *обитель*, *монастырь* – *церковь*, *мнихъ* – *братъ*, *брашьно* – *потребьноЕ* – *пища*, *потрѣбноЕ* – *брашьно*, *мниси* – *братья*, *братия* – *чядца*, *братя* – *ученици*, *портище* – *риза*, *преподобныи* – *блаженныи* – *святыи*, *изумень* – *святыи* – *преподобныи*, *сирота* – *нищии* и нек. др. Остановимся на некоторых из них.

ЖЕП: «...они же готовяху трапезу поставити прѣд ним [старцем]» (с. 299, л. 294). *ІПР*: «Они [родители] же нудяху его [старца] да причастится пищи» (с. 346, л. 213). *ЗПР*: «...и понудиста его внити в дом и причаститися пищи» (с. 380, л. 76 об.).

Слова *трапеза* и *пища* имеют общий компонент лексического значения 'пища, еда' [МСДРЯ]. Но если для слова *пища* значение 'пища, еда' оказывается имплицитированным, основным, то лексическое значение слова *трапеза* связано с жертвоприношением и потому содержит такие дополнительные семантические компоненты, как 'жертвоприношение', 'пища в качестве жертвоприношения', а также 'процесс приема пищи'. В данном отрывке ЖСР речь идет о старце, который прозрел в отроке Варфоломее Божьего избранника и помог ему открыть в себе данный от Господа дар к книжному учению. В благодарность Варфоломей пригласил старца к себе домой, где его родители приготовили иноку стол обеденный. Более того, в тексте Епифания Премудрого указывается, что родители Варфоломея *готовяху трапезу поставити*, то есть готовились накрыть на стол, поставить обед (еду, пишу) перед старцем, а в *ІПР* и *ЗПР* родители спрашивают старца отведать пищи (*нудяху его да причастится пищи*). Семантические различия нейтрализуются общим контекстом. Следовательно, между словами *пища* и *трапеза* устанавливаются синонимические связи: они связаны общностью понятия, имеют

тождественные компоненты семантической структуры ('пища, еда'), взаимозаменяются в параллельном контексте, в котором нейтрализуются отмеченные выше семантические различия. Отметим, что в силу разного объема лексического значения рассматриваемых слов общность их семантики реализуется только в контексте. Таким образом, в данном случае можно говорить только о контекстной синонимии.

Другой пример представляет собой иной тип синонимических отношений:

ЖЕП: «Чадо! Не съкруши си плоти от многаа въздржания, да не възю възпаднеши, паче же младу ти еще сушу, *плоти* растуши и цвѣтуши.» (с. 301, л. 296). *ИПР*: «Сладкое мое чадо, почто съкрушаеши си тѣло? Не вси ли, яко многа въздржания язу наводят, паче же юну ти сушу и *плоти* цветущи...» (с. 347, л. 214). *ЗПР*: «Възлюбленное мое чядо, почто тако съкрушаеши си тѣло, не вси ли, яко многа въздржания язву *телеси* наводить, паче же уну ти сушу и плоти цвѣтуши...» (с. 381, л. 77).

Общим семантическим компонентом слов *плоть* и *тѣло* является значение 'тело человеческое (в противоположность духу)' [МСДРЯ]. Такая взаимозамена не случайна. Речь идет о Варфоломее, с младых лет державшем пост (в среду и в пятницу пищу никакую не принимал, ночами без сна стоял и молился): *И тако вселися во нь благодать Святого Духа* [ЖЕП, с. 301, л. 296]. Отречение от телесных наслаждений ради совершенствования своего духа.

Как известно, у церковного писателя Древней Руси образцом нравственного поведения всегда является разумный подвижник, преодолевший все соблазны мира сего и тем самым совершивший жизненный подвиг. Таким образом, в контексте, в котором речь идет о Варфоломее, отказавшемся от материальных благ ради совершенствования духа, взаимозамена слов *плоть* – *тѣло* оказывается вполне допустимой: *плоть* в таком случае понимается не как оболочка души, а как субстанция самого тела. Поэтому дополнительные семантические компоненты лексического значения слов *тѣло* ('образ, вид', 'вещество') и *плоть* (одновременно и 'оболочка души', и 'субстанция тела', и 'поверхность тела, кожа') нивелируются контекстом. Они указывают на существовавший некогда синкретизм этих имен. В контексте происходит своего рода перенос одного из «созначений» семантического спектра и дальнейшая его актуализация. Возможность лексической замены в параллельных контекстах каноничного по своему характеру житийного текста и формирование отношений, которые, с точки зрения современного языкознания, маркируются как синонимические, становятся важным средством, при помощи которого происходит формирование одного из созначений как основного. Благодаря синонимизации слов *плоть* и *тѣло* за каждым из этих некогда синкретичных имен закрепляется именно значение 'тело человеческое'. Итак, наличие общего семантического компонента ('тело как материальная сущность') при нейтрализации семантических различий, взаимозаменяемость в параллельных контекстах

и общность предмета наименования указывают на синонимичность рассматриваемых слов. Важно, что значение слов *плоть* – *тѣло* не зависит от их контекстного употребления. Слова *плоть* – *тѣло* в указанном значении могут употребляться и в других текстах: «Токмо спасения души и прощения грехов от человеколюбия твоего прошу, а о доволнии плоти мая создавый мя сам веси, что требую» (Ив. Гр. Посл., 188.XVII в.) [СлРЯ XI – XVII вв]. «Савятїи отци мнози ту лежать въ тѣль, яко живїи.» ([Дан.иг.(Нор.69)] [МСДРЯ]. В современном русском языке эти слова осознаются как общеязыковые синонимы [Александрова: 2001, 496]. Это значит, что синонимия в русском литературном языке среднерусского периода начинает приобретать общеязыковой характер.

Во втором параграфе «Лексические различения формул в одновременных списках «Жития Сергия Радонежского» выделены в параллельных контекстах трех списков ЖСР и проанализированы такие формулы, как *чрѣво матерняя* – *утроба матерняя*, *стархом* и *трепетом* – *страхом* и *недоумением*, *пречюдныи уноша* – *прѣчюдныи/благопослушливыи отрокъ*, *благодать Божию* – *Святїи Духъ*, *книжное учение* – *книжныи разумъ*, *по смотрению Божию* – *по строению Божию*, *поживши в чернчествь* – *пожившее в великомъ въздръжании*, *мнишескїи чинъ* – *иноческїи образъ* – *иноческое житїе*, *мнишескїи чинъ* – *святой образъ* – *аггелскїи образъ* – *иночскїи образъ*, *отїюдоста къ Богу* – *прѣдати души Господеву* – *отїюдоста къ Господу*, *прѣдати гробу* – *прѣдати земли*, *ождидати милости от Бога* – *на Бога надежду възлагати* – *на Бога имѣти надежду* и др.

ЖЕП: «Се же бяше по смотрению Божию бытии сему, яко да от Бога книжное учение будет ему, а не от человекъ; еже и бысть.» (с. 298, л. 292 об.). **ИПР:** «Се же бяше по смотрению Божию, яко да от Бога книжное учение дасться ему, а не от человекъ.» (с. 345. Л. 212). **ЗПР:** «Се бѣ по строению Божию, яко да от Бога книжныи разум дасться отроку, а не от человекъ.» (с. 380, л. 75 об.).

Взаимозамена формул *книжное учение* и *книжныи разумъ* происходит на основании общего семантического компонента ‘знание’ [МСДРЯ]. Но если *учение* – это прежде всего процесс приобретения знания (и в данном контексте *яко да от Бога книжное учение дасться ему, а не от человекъ* можно читать ‘как успешное обучение грамоте, дарованное Богом’), то значение слова *разумъ* репрезентирует такой компонент, как ‘некое знание, понимание божественных текстов’, ниспосланное свыше на Варфоломея и дающее ему возможность учиться. Поэтому можно говорить о том, что формулы *книжное учение* и *книжныи разумъ* взаимозаменяются на основе метонимических отношений. Формулы развивают метонимический перенос по смежности и соотносятся как процесс обучения (*книжное учение*) и его результат (*книжныи разумъ*).

Другие взаимозаменяющиеся формулы *по смотрению Божию* и *по строению Божию* можно трактовать как ‘по предначертанию, промыслу

Божьему' [МСДРЯ]. Средневековому книжнику важно указать на богоизбранничество Варфоломея, изначальную особость будущего святого, его отличительность среди окружающих людей. Таким образом, взаимозаменяющиеся в параллельных текстовых отрезках формулы оказываются тождественными по своему значению. Более того, семантика формул, связанных с христианской тематикой, оказывается не зависимой от контекста. В общем значении 'по предначертанию, промыслу Божьему' рассматриваемые формулы употребляются и в других памятниках письменности: «Не по своему изволенью, но по Бжью строенью» (Пов. вр. л. 6582 г.) [МСДРЯ]. «Придѣте, видите Божія смотрѣнія таинство» (Кир. Тур. Сл. о снят. 31) [МСДРЯ]. «В семь есть святого и великаго страшнаго смотрѣнія и таинства Божія смотрѣнія, иже быша земная съ небесными съкуплена» (Прав. митр. Макс. д. 1305 г.) [МСДРЯ]. Следовательно, между формулами *по смотрению Божию* и *по строению Божию* формируются не зависимые от контекста синонимические отношения.

В третьем параграфе «Лексические разночтения формул и соответствующих им слов в разновременных списках «Жития Сергия Радонежского» выделены и проанализированы взаимозамены формул и соответствующих им слов: *младенець – чудныи отрокъ, БожествоноЕ писаниЕ – грамота, заутреня – правило утрѣнее, ястиЕ и питиЕ – трапеза, церьбьскыи сань – священничество, литургия – божественная служба, духовныи старць – игумень – священноинокъ* и нек. др. Представим следующий пример:

ЖЕП: Въ единъ убо от дний преподобный Сергий в ноши въниде въ церковь, хотя пѣти *заутренюу*» (с. 313-314, л. 312-312 об.). *ИПР*: «Въ едину же от ноши хотѣ ити въ церковь *правило утрѣнее* отпѣти...» (с. 349, л. 217). *ЗПР*: «Въ едину же от ноши въсхотѣ святыи поити въ церковь на *обычное правило...*» (с. 384, л. 79 об.).

Взаимозамена слова *заутреня* и формул *правило утрѣнее/обычное правило* происходит на основании общего семантического компонента 'утреня, церковная служба, совершаемая рано утром' [МСДРЯ]. Формула *обычное правило* также имеет значение 'утреннее богослужение'. Заменяемость в одинаковых контекстных условиях и общность семантики, не зависимой от контекста, указывают на общеязыковой характер синонимических отношений между рассматриваемыми формулами.

В заключении диссертации подводятся основные итоги проведенного исследования, делаются выводы в соответствии с поставленными задачами:

1. Сопоставление разновременных списков ПВЛ и ЖСР обнаружило в пределах параллельных контекстов частые случаи лексических замен слов (имен существительных), формул, а также формул и соответствующих имен. Всего выявлено 83 взаимозаменяющиеся лексические единицы.

2. Исследование лексических разночтений в списках двух разножанровых текстов с точки зрения особенностей семантики,

структуры, контекстного окружения, этимологии, функционирования в тексте привело к общим выводам и показало, что отношения между ними формируются на разных основаниях.

3. Лексические единицы, во-первых, имеют тождественные компоненты семантической структуры. Во-вторых, взаимозаменяющиеся слова и формулы-синтагмы имеют общую понятийную соотнесенность. В-третьих, различительные семантические компоненты слов, а также формул оказываются несущественными для общего смысла контекста. Другими словами, семантические оттенки нивелируются в определенных контекстных условиях, которые оказываются одинаковыми для рассматриваемого ряда слов. Анализ лексических различий, взаимозаменяющихся в пределах одного и того же контекста по разным спискам среднерусского памятника письменности, важен, на наш взгляд, прежде всего потому, что подтверждает современную теорию нейтрализации семантических оттенков при определении синонимичности двух слов. Таким образом, главные критерии, характеризующие синонимические отношения между словами в современном русском языке, оказываются релевантными и в отношении русского литературного языка среднерусского периода.

4. Семантические оттенки некоторых слов и формул оказываются нейтрализуемыми в различных контекстных позициях, создавая устойчивый характер нейтрализации. Это значит, что контекстная синонимия в древнерусском языке начинает приобретать общезыковую характер. Однако наличие между списками ПВЛ и ЖСР контекстно обусловленных синонимичных слов и формул свидетельствует о переходном и развивающемся характере языковых процессов в области синонимии, о формировании и становлении собственно общезыковых синонимов.

5. В списках ПВЛ, а также ЖСР встретились такие слова и формулы, которые взаимозаменяются на метонимических основаниях.

6. Благодаря установлению между словами синонимических и метонимических отношений происходит постепенный процесс освождения имени из формулы-синтагмы и семантического разведения «созначений» прежде синкретических по смыслу имен с последующим закреплением этих «значений» за словами. Появление лексических различий в списках двух разножанровых текстов (в летописи как тексте несакральном и житии как тексте в большей степени канонизированном) свидетельствует об общезыковом характере происходящих изменений. Показателен в этом плане тот факт, что именно в житийном тексте общезыковых синонимических пар в полтора раза больше, чем в ПВЛ: 23 в ЖСР и 14 в ПВЛ.

7. Подобный метод анализа взаимозаменяющихся в параллельных контекстах лексических единиц с точки зрения контекстного окружения, общности семантической структуры и функционирования в тексте

позволяет уточнить и конкретизировать значение некоторых слов в древнерусском языке.

Таким образом, анализ лексических разночтений в памятниках письменности среднерусского периода истории русского языка свидетельствует, во-первых, о главной общеязыковой тенденции времени – о вычленении слова из формулы-синтагмы и становлении его в качестве самостоятельной лексической единицы, а во-вторых, о формировании лексической синонимии как явления русского литературного языка.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК:

1. Безматерных, Е. И. Проблема терминологического определения лексических разночтений в древнерусском языке в научной традиции (на материале разных списков одного памятника) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина : научный журнал. – № 5. – СПб. : Издательство ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2009. – Том 1. Серия филология. – С. 51-61.

2. Безматерных, Е. И. Лексические разночтения в современных списках «Жития Сергия Радонежского» как способ преодоления языкового канона // Вестник Волгоградского государственного университета : научно-теоретический журнал. – Волгоград : Изд-во «Волгоградского государственного университета», 2009. – Серия 2. Языкознание – С. 28-32.

3. Безматерных, Е. И. Работа с древнерусскими текстами на уроках гуманитарного цикла: технологии исследовательской деятельности // Наша новая школа : материалы Всероссийской научно-практической конференции, 7 апреля 2010./ Издательский дом Паганель. – М.: Издательский дом Паганель, 2010. – С. 710-713.

Статьи в других изданиях:

1. Безматерных, Е. И. К вопросу о формировании синонимических отношений в истории русского языка (на материале современных списков «Жития Сергия Радонежского» XV – XVI вв.) // Русский язык и русская речь в XXI веке: проблемы и перспективы : материалы II Международной научно-практической конференции. – Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2007. – С. 11-17.

2. Безматерных, Е. И. Лексика современных списков «Жития Сергия Радонежского»: синонимы или варианты? // Русская словесность в контексте мировой культуры: материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2007. – С. 69-73.

3. Безматерных, Е. И. К вопросу об особенностях лексической синонимии в древнерусском языке (на материале современных списков

«Повести временных лет») // Семантика. Функционирование. Текст : межвузовский сборник научных трудов с международным участием. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. – С. 210-217.

4. Безматерных, Е. И. Лексические синонимы в разновременных списках «Повести временных лет»: семантика и особенности функционирования // Вестник Удмуртского университета: научный журнал. – Ижевск: «Удмуртский университет», 2008. – Вып. 3. История и филология. – С. 9-16.

5. Безматерных, Е. И. Лексические разночтения в разновременных списках «Повести временных лет»: синонимы или варианты? // Русский язык и русская речь в XXI веке: проблемы и перспективы: материалы III Международной научно-практической конференции. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2008. – С. 204-210.

6. Безматерных, Е. И. Характер лексических разночтений в разновременных списках «Повести временных лет» // Языковая семантика и образ мира: материалы Международной научной конференции, г. Казань, 20-22 мая 2008 г.: в 2 ч. / Казан. гос. ун-т, филол.фак.; отв. ред. Э.А. Балалыкина. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – Ч. 1. – С. 135-137.

7. Безматерных, Е. И. К вопросу о характере лексической синонимии в истории русского языка (на материале разновременных списков «Жития Сергия Радонежского») // IV Международные Бодуэновские чтения (Казань, 25-28 сентября 2009 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т, под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Казан.гос.ун-т, 2009. – Т. 2: Морфемика, словообразование, грамматика. История языка и диалектология. Лингводидактика. Литературоведение и фольклористика. – С. 91-93.

8. Безматерных, Е. И. Лексические разночтения в памятниках русского Средневековья как отражение тенденций развития языка и культуры // Социальные варианты языка – IV : материалы международной научной конференции 16-17 апреля 2009 года. Нижний Новгород. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2009. – С. 62-64.

9. Безматерных, Е. И. О критериях синонимичности лексических единиц в среднерусский период развития русского литературного языка // Язык. Культура. Коммуникация: материалы научно-практической конференции. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. – Часть 2. – С. 11-16.

Безматерных Елена Игоревна

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ РАЗНОЧТЕНИЯ В ПАМЯТНИКАХ
РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА
ФОРМИРОВАНИЯ СИНОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В
РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОВРЕМЕННЫХ
СПИСКОВ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» И «ЖИТИЯ СЕРГИЯ
РАДОНЕЖСКОГО»)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск – 2010

Подписано в печать 21.09.2010.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 1,4 Уч. изд. л. 1,2
Тираж 100 экз. Заказ № 1528.

Типография ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4

10 -